

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА

ПРИЧЕШИ МЕНЯ

ТВОЙ ТЕКСТ

РЕДАКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ:
ОТ СТИЛЯ ДО СЮЖЕТА

МИО

МИФ Арт

Екатерина Звонцова

**Причеши меня. Твой текст.
Редактура художественной
прозы: от стиля до сюжета**

2022

УДК 808.1

ББК 83.02

Звонцова Е.

Причеши меня. Твой текст. Редактура художественной прозы: от
стиля до сюжета / Е. Звонцова — 2022 — (МИФ Арт)

ISBN 978-5-00-195643-3

Написать роман непросто, но еще сложнее потом его отшлифовать. Хотите работать с текстами весело и без нервов? С Екатериной Звонцовой вы изучите саморедактуру от стиля до сюжета, доведете до конца задумки, в которых забуксовали, влюбитесь в свои истории заново, а также: – раскроете законы, по которым русский язык живет, а мы делаем ошибки; – освоитесь в фэнтези-мире и нарисуете его карту, даже если не рисовали никогда; – ближе узнаете своих героев и подружитесь с такими несимпатичными личностями, как Внутренний Критик и Самозванец. Автор и редактор с десятилетним стажем щедро, честно и оптимистично делится опытом. От автора Представьте, что в ваш дом ввалился большой лохматый пес. Он порезвился в весенней луже, погонял велосипедистов, детей и собак поменьше, огласил округу лаем – в общем, провел время куда насыщеннее вас, а теперь устал и соскучился. И вот, он смотрит на вас, радостно высунув язык; с его шерсти натекает грязная жижа и падает прошлогодняя листва; вы смотрите в ответ в безмолвном ужасе... а потом он делает «прыг», прямо на ваш белый вельветовый диван. Думаю, каждый продолжит по-своему, в зависимости от крепости нервов и любви к собакам / диванам. Я же лишь признаюсь, что, хотя пса у меня нет, чувствую что-то похожее в каждом временном промежутке между «я дописала книгу» и «книга готова». Книг о написании книг пока меньше, чем звезд в небе, но мы не сдаемся, и это здорово: без советов не останется никто, независимо от того, садовник он или архитектор, верит в музу, свободную руку, метод помидора, NaNoWriMo или расписание да Винчи. Уверена, есть книжки и для тех, кто от всего этого отмахивается. Ну, найдется же альтруистичный изобретатель велосипеда, который вместо того чтобы сажать нас на свой, расскажет, как собрать собственный? Чего бы ни придерживались вы, просто знайте: за вашим велосипедом обязательно погонится тот самый пес. Шерсть будет длинная-длинная. И он гарантированно выпачкается в

грязи, а удобным диваном для него станет ваша самооценка. «Это совсем не то, что я задумывал». «Переписываю!» «Не могу как Пушкин. Буду как Гоголь. Где мой камин?». А ведь на самом деле вряд ли все так плохо. Мы отправимся мыть, сушить, а главное, причесывать вашего пса. То есть роман. Или повесть. Или фанфик. Да что угодно, было бы желание. Для кого эта книга Для авторов прозы в широком понимании (от фанфиков до серьезной литературы), которые хотят сделать свои книги лучше.

УДК 808.1

ББК 83.02

ISBN 978-5-00-195643-3

© Звонцова Е., 2022

Содержание

Начинаем	7
Для кого эта книга?	9
Что здесь есть?	10
Уже точно-точно начинаем: 8 принципов продуктивной (само)редактуры	11
Лохматый стиль	14
Почему наш мозг – хомяк? Как формируется стиль	14
Хороший, плохой, грамотный	18
Гармония формы и содержания	21
Стилевые референсы	23
Стиль и стилизация: где мы заканчиваем врать	25
Практическое причёсывание. Типичные ошибки и где они обитают	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Екатерина Звонцова

Причеши меня. Твой текст. Редактура художественной прозы: от стиля до сюжета

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Екатерина Звонцова

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

*Для тех, кто еще пишет;
для тех, кто уже дописал...
и для тех, кто хочет знать, что с этим делать*

Начинаем

Представьте, что в ваш дом ввалился большой лохматый пес. Он порезвился в весенней луже, погонял велосипедистов, детей и собак поменьше, огласил округу лаем – в общем, провел время куда насыщеннее вас, а теперь устал и соскучился. И вот он смотрит на вас, радостно высунув язык; с его шерсти стекает грязная жижа и падает прошлогодняя листва; вы глядите в ответ в безмолвном ужасе... А потом он делает «прыг» прямо на ваш белый вельветовый диван. Думаю, каждый продолжит эту историю по-своему, в зависимости от крепости нервов и любви к собакам и диванам. Я же лишь признаюсь, что, хотя пса у меня нет, чувствую что-то похожее в каждом временном промежутке между «я дописала книгу» и «книга готова».

Истории сейчас пишут многие. Закономерно, что многие и рассказывают о личном пути героя, от чистого листа до полноценного томика, возможно даже красующегося на магазинной полке. Книг о написании книг пока меньше, чем звезд на небе, но мы не сдаемся, и это здорово: без советов не останется никто, независимо от того, садовник он или архитектор, верит в музу, фрирайтинг¹, метод помидора², NaNoWriMo³ или расписание да Винчи⁴. Не сомневаюсь, есть книжки и для тех, кто от всего этого отмахивается. Ну, найдется же альтруистичный изобретатель велосипеда, который, вместо того чтобы сажать нас на свой, расскажет, как собрать собственный? Каких бы взглядов ни придерживались вы, просто знайте: за вашим велосипедом обязательно погонится тот самый пес. Шерсть его будет длинная-длинная. И он гарантированно выпачкается в грязи, а удобным диваном для него станет ваша самооценка.

«Это совсем не то, что я задумывал».

«Переписываю!»

«Не могу как Пушкин. Буду как Гоголь. Где мой камин?»

А ведь на самом деле вряд ли все так плохо.

Мы отправимся мыть, сушить, а главное, причесывать вашего пса. То есть роман. Или повесть. Или фанфик. Да что угодно, было бы желание.

Причина, по которой родилась эта книга, проста: причесать лохматую собаку – особенно большую! – собственными усилиями сложнее, чем кажется. Пытаются далеко не все, соответственно, и опытом делиться на хоть сколько-нибудь компетентном уровне гораздо сложнее. В результате от коллег, следящих за сегментом литературного мастерства, – редакторов и авто-

¹ Фрирайтинг, или метод свободной руки, может здорово помочь нам и в поиске решения проблемы, и в творческом ступоре. Нужно сесть, взять ручку и бумагу (или компьютер и Word), настроиться на терзающий нас вопрос или сюжет – и дальше записывать все, что придет в голову, не задумываясь, не отвлекаясь на редактуру и отмахиваясь от мысли: «Да ну, ерунда какая-то!» Главное не красота, главное – поймать настрой. А в божеский вид текст можно привести потом. Проверено не кем попало, а Гоголем, который дал похожий совет Владимиру Соллогубу, поймавшему неписун: «Возьмите перышко, хорошенько его очините, положите перед собой лист бумаги и начните таким образом: “Мне сегодня что-то не пишется”. Напишите это много раз кряду, и вдруг вам придет хорошая мысль в голову! За ней другая, третья, ведь иначе никто не пишет, и люди, обуреваемые постоянным вдохновением, редки».

² «Помидоры» – временные отрезки, в которые мы строго, ни на что не отвлекаясь (это главное, да и на новости тоже!), чем-то занимаемся, например пишем главу. Любым общественно приемлемым способом: хоть свободной рукой, хоть прибегая к суровому и кровавому мозговому штурму. Обычно размер «помидора» – 20–25 минут, дальше – перерыв минут на пять. А сколько «помидоров» вы выдержите за день – решать уже вам!

³ А это увлекательный, хотя, на мой взгляд, очень жесткий челлендж, который каждый ноябрь устраивают наши западные коллеги. Национальный месяц написания романов! В последние годы он прижился и в России, а суть его проста: нужно очень постараться и отдать максимум времени в ноябре своему тексту, в идеале начать его 1.11 и закончить 30.11. И остаться в живых, да.

⁴ Расписание да Винчи – уже не столько метод решения задач, сколько целая система тайм-менеджмента. Она строится на том, что определенные часы дня лучше подходят для определенных дел. Например, работу, требующую большого умственного напряжения и концентрации, лучше всего делать до 12:00 – сразу после того, как мы отскребаем себя от кровати, приводим в чувство и подзаряжаем хорошим завтраком. Методичная рутина лучше идет во второй половине дня. Ну а на пробежку (если уж она не следует за отскребанием от кровати) лучше выйти после 18 часов.

ров – я чаще всего слышу разные, лестные и не очень, рассказы о писательских пособиях трех основных типов:

- «Как завести щенка» (как перестать бояться написать книгу и вообще дать себе больше воли, с сопутствующими элементами прикладной психологии).
- «Как его вырастить» (как, собственно, написать книгу, с симпатичной автору теоретической базой: например, по трехактной структуре и методу снежинки, аркам персонажа и алмазу героя).
- «А как насчет собачьей выставки?» (как выбраться из стола, сделать книгу популярнее, пристроить ее в теплые и мощные издательские руки).

А вот собственно о причесывании – саморедактуре – можно найти разве что материалы в Сети. Может, их и набралось бы на пособие, но, кажется, такое еще никто не написал. Поэтому попробовала я, с опорой на свой опыт. Доказывая его, можно было бы процитировать то хорошее, что обо мне гуглится, если открыть, например, рецензию на один из последних моих романов в журнале «Мир фантастики» или поспрашивать коллег из издательств. Но я скажу проще: я пишу и редактирую. Много и давно. Свое и чужое. А главное – я правда хочу, чтобы вы меньше расстраивались, когда ваш пес прыгает на диван.

Для кого эта книга?

- Для авторов, которые уже закончили историю и готовы к ее редакции. К самой разной: не только к исправлению базовых ошибок и работе со стилем, но и к анализу сюжета, и разбору мотивов персонажей, и, возможно, доработке структуры. Например, вдруг кто-то осознает, что его истории нужны пролог и пара дополнительных сцен? Вот нужны, и все⁵.

- Для тех, кто еще только бежит эту длинную дистанцию: для авторов, которые работают над книгой сейчас, видят сырые места в задумке и не уверены, что аппетит придет во время еды. Надеюсь, вы сможете проанализировать все, что уже написали, и поработать с планом, если он есть, – равно как и с анкетами персонажей, поэпизодниками, поглавниками, схемами отношений и любыми другими опорами (их мы тоже обсудим). То есть вы будете причесывать не столько сам текст – это правильнее делать по завершении, о чем мы еще поговорим, – сколько задумку. Не убьете, но контузите двух зайцев сразу.

- Для тех, кто ждет рукопись от издательского редактора или специалиста, с которым договорился сам. Вам книга поможет оценить то, насколько бережно и качественно поработали с вашим текстом. Исправить недочеты, если редактор их не разглядел. И поговорить с ним на одном языке, если он, как вам кажется, где-то неправ.

- И наконец, она пригодится редакторам, которые хотят больше знать о работе с художественной прозой, осознаннее анализировать авторские решения и, если нужно, грамотнее обосновывать правки. Все-таки они (мы) люди сложные, ранимые. И мы (они) должны стараться встать на чужое место, чтобы рабочая коммуникация сложилась, а книжка в итоге вышла качественная и классная.

Уточнение: абсолютно неважно, печатает ли ваши книги официальное издательство или вы предпочитаете территорию соцсетей, литературных порталов и коммерческого самиздата. Более того, именно во втором случае – если в издательские игры вам играть не хочется и вы прекрасно чувствуете себя на воле – саморедактура особенно пригодится. Читателям, независимо от того, где они обитают, будет приятно погружаться в чистый, без очевидных шероховатостей роман. Да и подать его на какую-нибудь литературную премию вы сможете с более легкой душой.

⁵ У многих авторов, с которыми я работала, так случалось из-за вопросов, которые я задавала в процессе. Вопросы наше все (запомните эту фразу прямо сейчас, а если вы редактор, переведите на латынь и сделайте девизом).

Что здесь есть?

Два основных раздела: «Стиль» (лохматый!) и «Сюжет» (непричесанный!).

По правде говоря, объединять во втором сразу все: атмосферу и персонажей, развитие конфликта и работу с метафорами, – не совсем корректно. Но так пока сложилось: все редакторские правки, которые затрагивают что-то помимо грамматики и стилистики, большинством авторов воспринимаются как «сюжетные». Поэтому:

- В первом разделе мы поговорим о стиле, языковых средствах и типичных ошибках, мешающих восприятию текста. Да, логика подсказывает, что в саморедактурах правильнее начинать с сюжета и уже потом переходить к языку. Все верно, и это мы тоже обсудим, но начнем все же со стилистики. Во-первых, ее знание во многом облегчает нам поиск собственного голоса – а ведь без него книгу не написать вовсе, порой уникального стиля требует каждый новый текст. А во-вторых, лично мне трудно концентрироваться на таких глобальных вещах, как структура описаний, механика мира, живость диалогов и конфликты, если я постоянно спотыкаюсь о шероховатости языка. Все-таки он наш базовый инструмент, и им стоит овладеть пораньше. Да и некоторые сюжетные вещи, особенно связанные с атмосферой и речью, неотрывны от него.

- Во втором разделе мы нырнем в мир конфликтов, образов, поворотов и интриг. Вникнем в законы драматургии. Ближе узнаем героев и научимся интереснее их показывать. Разберем механизмы и траектории внутренней трансформации. Отвадим от своих текстов Мэри Сью и задумаемся о сущности Плохой Овечки. Сразимся насмерть с пустыми диалогами и научимся адекватно, без страданий, собирать матчасть. А при желании еще и нарисуем карту мира и подберем истории новое название.

- В конце есть еще «(Не)порядок в голове», куда я сложила все, что из основной части выбивалось, чуть-чуть психологии и мотивации. Там нас встретят внутренний Критик, жирная двойка на «Лайвлибе» и Жозеф Гран! Не самая вдохновляющая компания, но, возможно, там вы найдете что-то, в чем нуждаетесь. И ваш диван останется цел, а сама редактура пройдет менее болезненно.

Уже точно-точно начинаем: 8 принципов продуктивной (само)редактуры

Если вы не возненавидели свою книгу, пока писали ее, то наверняка дойдете до этого, пока будете редактировать.

Шутка, шутка. Но доля правды в ней немного пугает.

Пройдя круги писательского ада, мы закономерно устаем. Мало кто, завершив историю, даже самую обожаемую, многообещающую, в перспективе открывающую путь к «Букеру» и все в таком духе, находит силы тут же начать ее редактировать. Обычно к моменту, когда поставлена финальная точка, уже хочется чего-нибудь другого, например награды за труды, и побыстрее. И вот текст, как в случае выше, сразу улетает к издателям или на площадку для публикации, где автору хорошо и уютно. Это здоровый инстинкт: когда мы голодны, мы ищем еду. Ресурс нужно восполнить.

Все это было бы хорошо, если бы не напоминало печальную гонку белки в колесе незакрытых гештальтов. Отдачи хочется скорее, и все же разумнее послушать другое желание: просто перезагрузиться (и съесть чего-нибудь еще, например кексик, а лохматую книжку дать почитать только паре друзей). Отложить завершённый текст на месяц-два, не думая о его публичной судьбе. Уехать в отпуск, активно начать работать работу, встретиться со всеми друзьями, которые из-за вашего творческого урагана подзабыли, как вы выглядите... За это время замысленный глаз и раскаленный мозг успевают немного прийти в себя. Вот теперь-то и можно браться за работу. Можно – осторожно.

Саморедактура способна здорово вымотать, особенно если книга большая или **ОЧЕНЬ** большая. С такой проблемой столкнулась я сама, работая над предпоследним романом. Его объем получился около сорока пяти авторских листов, и не преувеличу, если скажу: причесывание чуть меня не убило. Оно заняло полгода – треть от времени написания. Зато, именно завершив эту работу, я и вывела восемь принципов, которыми не стоит пренебрегать, садясь за правку текста. Они помогут вам встать из-за нее живыми и довольными, не дадут перегореть и, надеюсь, прогонят естественную сердитую мысль: «Книжка, книжка, хорошая ты, но когда же уже закончишься?»

1. Принцип горячего железа. Дорогие авторы (особенно те, кто еще в процессе), помните: какие бы пособия, включая это, вы ни читали как подспорье, важно сначала написать текст. Полностью. Не в темпе той несчастной белки, но и без топтаний Жозефа Грана, которого мы здесь еще вспомним. Единственная правка, полезная на этом витке, – перед работой над новой частью чуть-чуть причесать фрагмент, законченный накануне. Это поможет и на историю настроиться, и совсем уж смешных блох выловить. Ключевое слово здесь – «чуть-чуть», без перекраивания, например, всех диалогов и описаний. Что-то вызывает сомнения? Сделайте пометку на будущее. Контекст, которым она обрастет по мере развития сюжета, все равно поможет лучше справиться с проблемой.

2. Принцип переменного тока. Полезен и при написании истории, и уже при редакции. Текст, абсолютно любой, – черная дыра, поглощающая наше внимание без остатка. Старайтесь вовремя отвлекаться: на интересный флешмоб в соцсети, общение, чтение чужих книг, суп или просто на другую свою историю. Так проще, хотя звучит приблизительно как «Разорвись-ка!». И все же это факт: мозгу сложно раз за разом нырять в одно дело. В какой-то момент, как бы вы ни любили свою историю, подсознание начнет видеть в ней орудие пыток. А дальше – буксование, выгорание и прочие радости. Так что здоровый прыжок веры в стог сериального сена не грех! Но помните, как влечет нас Темная сторона Силы и как соблазнителен путь ентха прокрастинатора! Длительные, многодневные перерывы делать все-таки не стоит,

чтобы не потерять с текстом и персонажами эмоциональной связи. Книжка не сможет прийти и подергать вас за рукав с вопросом: «Ну ты заканчивать-то будешь или нет?» Помните, цель вашего перерыва – эмоциональная, а порой и физическая подпитка, чтобы дальше работать еще энергичнее. Отложив текст слишком надолго, вы потом сами же будете сердиться на себя за непродуктивность и неспособность включиться.

3. Принцип благородного сыр-р-ра. Повторим и это: перед редактурой тексту лучше полежать. Но не перележать – отсюда идет перегорание. Подождите, пока свеженаписанные диалоги и сцены перестанут мельтешить в голове. Заполните ее каким-нибудь другим шумом, поживите в тишине, а потом книга сама вас позовет. Мне обычно хватает месяца такого отдыха: и голова успевает проясниться, и какой-нибудь новый сюжет еще не утягивает в свои дали.

4. Принцип денег и стульев. Утром – одно, вечером – другое. Собственную книгу трудно *вы*читать сразу на сюжет и стиль даже самому большому эксперту. Да, это делают наемные литературные редакторы, но их ориентир – «чтобы было качественно», а ориентир автора обычно – то абстрактное «чтобы было ух!», которого не добиться в один присест. Тут я возвращаюсь к тому, на что уже намекнула во введении. Хорошо бы редактуру у вас было две: первая пройдет по сюжету, вторая – по стилю. Анализ персонажей, конфликтов и атмосферы действительно может кончиться тем, что вам захочется что-то дописать, переписать или удалить. Стиль оптимально править, когда все сцены, мотивы и образы приобретут удовлетворяющий вас вид. Иными словами, сначала стул нужно сколотить, а уже потом зашить в его сиденье бриллианты. Только без фанатизма, пожалуйста. Если сюжет или стиль, на ваш взгляд, правок особо не требуют, можно ограничиться и одной читкой.

5. Принцип горы Фудзи, вершина которой окутана туманом. Частично этот пункт повторяет первый, но больше касается глобальных элементов, чем шлифовки. Так вот, я не советую лихорадочно кромсать, видоизменять и особенно удалять какие-либо сцены и диалоги, пока текст не готов полностью. Бывает, что «неудачный» или «водянистый» фрагмент оказывается отличной подводкой к чему-то важному, играет роль затишья перед бурей или содержит ключевые детали и скрытые метафоры. Исключение одно: если из-за него дальше вообще не пишется, но так бывает редко. И даже в этом случае я рекомендую сохранить такую сцену в отдельном файле до конца работы с книгой.

6. Принцип всплывающих лягушек. Если вам кажется, что какой-то из ваших героев недораскрыт, прежде чем давать ему новые сцены, раздувающие объем книги и способные нарушить ее внутреннюю логику, приглядитесь к имеющимся! Чаше всего именно из этих темных омутов выныривают отличные лягушки: диалоги, которые можно расширить, внутренние монологи, которые нужно добавить, стороннее восприятие, привносящее в образ свежих красок, и метафоры. Ква!

7. Принцип забывчивых гостей. Чем больше народу вы позовете на вечеринку и чем дольше народ у вас пробудет, тем выше вероятность, что всю следующую неделю вам предстоит находить в квартире чужие вещи, доедать провиант и краснеть при воспоминании неловких моментов. Так же и со «вставными» сценами. Если лягушек все же было недостаточно и вам пришлось что-то дописать, внимательно проследите за тем, как эта сцена или глава будет отражаться на уже написанном тексте. Возможно, кто-то будет ее вспоминать. Возможно, героям придется о ней поговорить в какой-то из уже существующих сцен. А возможно, не дай бог, она вывернет вам все так, что дальнейшее развитие событий перестанет казаться логичным или отношение к тому или иному герою в корне изменится. Осторожнее с дописками. И с чужими трусами, забытыми в вашем шкафу, конечно же.

8. Принцип хорошего песика! Мой любимый. Награждайте себя за каждый сложный рубеж: когда закончите кусок, с которым воевали пару суток, обнаружите и заткнете сюжетную дырку, раскроете недораскрытого героя и тем более завершите работу над книгой. В этом мире все должно быть по любви. А не по «в следующий раз постарайся лучше, ничтожество».

Технику безопасности мы изучили. Теперь действительно можем приступать.

Лохматый стиль

Почему наш мозг – хомяк? Как формируется стиль

Казалось, как будто в доме происходило мытье полов и сюда на время нагромодили всю мебель. На одном столе стоял даже сломанный стул, и рядом с ним часы с остановившимся маятником, к которому паук уже приладил паутину. Тут же стоял прислоненный с боков к стене шкаф с старинным серебром, графинчиками и китайским фарфором. На бюро, выложенном перламутрной мозаикой, которая местами уже выпала и оставила после себя одни желтенькие желобки, наполненные клеем, лежало множество всякой всячины: куча исписанных мелко бумажек, накрытых мраморным позеленевшим прессом с яичком наверху, какая-то старинная книга в кожаном переплете с красным обрезом, лимон, весь высохший, ростом не более лесного ореха, отломленная ручка кресел, рюмка с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом, кусочек сургучика, кусочек где-то поднятой тряпки, два пера, запачканные чернилами, высохшие, как в чахотке, зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою хозяин, может быть, ковырял в зубах еще до нашего приезда на Москву французов.

«...» В углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубее и недостойно лежать на столах. Что именно находилось в куче, решить было трудно, ибо пыли на ней было в таком изобилии, что руки всякого касавшегося становились похожими на перчатки; заметнее прочего высовывался оттуда отломленный кусок деревянной лопаты и старая подошва сапога.

Перед нами не только симпатичный образец литературного стиля Николая Васильевича, но и отличное начало нашего разговора. Вчитайтесь в это описание, разделите его на составляющие, мысленно покрутите каждую вещицу в пальцах, а потом и вовсе закопайтесь по самый хвост. Примерно так вы обрисуете себе картину собственного стилевого багажа. Точнее, всех несметных сокровищ, полезных и бесполезных, которые могут там быть.

Если вы по каким-то причинам не любите грызунов, можно оперировать и этой метафорой: наш мозг – славный Плюшкин. С самого детства он внимательнейшим образом изучает все, что попадает в наше инфополе, по возможности это сортирует, навешивает ярлычки от «нравится / не нравится» до «полезно/бесполезно» – и в итоге, как правило, ничего не выкидывает, а складировать с мыслью «Ну вдруг оно однажды пригодится».

Казалось бы, тезис вообще не о писательстве, а, скорее, из книг по саморазвитию, медитации и осознанному отношению к мыслям. Он порожден той информационной перегрузкой, которую мы постоянно испытываем, и тем повышенным уровнем шума, в котором живем. Но творчество (и любое взаимодействие с языковыми средствами) лишь часть этой жизни, а не что-то от нее отдельное. Соответственно, то, как мы говорим и пишем, зависит не только от нашего желания, но и от того, чем (и кем) мы себя окружаем. Сразу важный момент: мы сейчас о среднем арифметическом. Не об авторах-филологах и авторах-литературоведах, для которых язык – вторая натура, и, наоборот, не о людях, пишущих бесхитростные сказки в одиночестве на диком, оторванном от мира острове, где и читать-то умеет не все население.

Сложные примеры не нужны: достаточно нашему другу, или любимому блогеру, или руководителю подцепить интересное, емкое словцо/выражение (как было в свое время, например, с «осознанностью» или «кринжем») – как мы тоже начинаем его произносить. Тут есть

свои фильтры: мы можем быть, скажем, противниками иноязычных заимствований, или видеть в слове субъективно отталкивающий оттенок, или предпочитать синонимы – но в целом мало кто за жизнь не перенимал хоть пары-тройки слов и фраз у ближнего своего. Необязательно, чтобы языковые единицы были «модные», ближний может в какой-то момент радостно привнести в диалог и абсолютнейший нафталин, и просто что-то забавное. А если мы люди творческие и пишем, например, современную прозу, то сами не заметим, как в речи персонажей «случайность» уступит «рандому», «женщина» – «даме», а кто-нибудь вдруг с чувством воскликнет: «Что совой об пень, что пнем по сове!» или «Злыдень писюкастый!».

Пример выше просто объясняет глобальное на маленьком явлении. Как вы помните из заголовка, наш мозг – хомяк. И его бесконечное накопительство вовсе не ограничивается тем, что мы читаем и слышим в осознанном (ну вот!) возрасте или с конкретной целью обогатить авторский стиль. Все начинается в далеком-далеком детстве. Некоторые искаженные словечки и конструкции в том виде, в каком мы произносили их впервые, даже остаются с нами. «Ты уронила машинку, Катенька! Ты ворона! Как говорит ворона?» – «Кай-кай!» «Кай-кай» теперь со мной каждый раз, когда я что-нибудь роняю.

На то, как мы формулируем мысли, складываем предложения, абзацы и далее цельный нарратив, тоже влияет языковая среда. Только она усложняется и выходит далеко за пределы соцсетей, СМИ и нашего окружения. В нее активно включается литература в традиционном понимании: бумажные и электронные книги. Сюда же можно включить фанфикшен, если он присутствует в вашем читательском рационе. Feel, как говорится, free, это не та книга, где вас за такое осудят, и, более того, фанфикам мы посвятим отдельную главу.

Книги, как правило, появляются в нашей жизни рано и остаются до конца. Отношения с ними порой складываются сложно, мы можем в какие-то моменты ненавидеть их (если их агрессивно навязывают как замену любимым мультикам или прогулкам) и благодарить (если на даче нет электричества, а в распоряжении только свечка и «Хроники Нарнии»). Но до определенного момента мы можем не понимать главного, а потом осознание бьет нас с силой молота Тора: книги с самого начала влияют не только на грамотность, но и на наш литературный потенциал. Они делают это совершенно независимо от того, захотим ли мы его развивать и решим ли однажды рассказать кому-то свою историю. Да, капитан, это диверсия.

Далее не будет категоричных тезисов вроде: «Если в детстве и юности вы не любите читать, вам никогда не светит хороший литературный стиль». Во-первых, это так не работает (точнее, работает не совсем так), а во-вторых, вдумчивое чтение во взрослом возрасте вполне помогает заполнить языковые и стилевые пробелы, которые остаются у нас, например, из-за пренебрежения к классической школьной программе: Пушкину и Достоевскому, Тургеневу и Куприну, Гоголю, Булгакову, Карамзину, Зоценко, Чехову, Горькому, Васильеву, Ковылю, Каверину, Айтматову... Я специально привела такой разброс, чтобы подчеркнуть простую вещь: каких бы претензий многие ни высказывали к школьной программе и как бы ни была очевидна необходимость ее разнообразить, она, несомненно, может дать кое-что очень ценное человеку, мечтающему писать книги. Это неплохо отобранное «стилевое меню», а если вам еще и повезет изучить в старших классах современную прозу и соприкоснуться с иностранной классикой, считайте, вам выдали огромный аванс для собственного литературного пути. При условии, конечно, что вы читали, вникая во все, с интересом, а ваши учителя не заставляли вас на каждом уроке ловить тот самый... да, да, кринж. Если же случилось так, расстраиваться все равно не стоит. Аванс – просто аванс. Детство, проведенное с книгами, вдумчивое чтение в школе и даже любовь к литературе за рамками программы, от иронических детективов до премиальной прозы, никого не сделают мастером стиля по умолчанию.

Единственный, хотя и серьезный плюс регулярного, разнообразного и внимательного чтения с молодых ногтей – гибкость и губчатость восприятия. Вряд ли для кого-то будет новостью факт, что с возрастом мы можем наращивать интеллектуальный багаж, расширять спе-

нарии мышления, становится осознаннее (ущипните меня уже!), а вот чисто физиологические показатели, такие как скорость передачи нервных импульсов и процент серого вещества в мозгу, потихоньку снижаются. Ухудшается и «оперативная память». По мнениям некоторых ученых, это подстерегает нас уже после двадцати; большие оптимисты ставят на тридцать и даже сорок, но сходятся почти все на одном: школьные годы – пик нашей способности обрабатывать информацию. Ну как обрабатывать... хомячить. Воровато прятать ее в дальние и ближние уголки, на всякий случай, в чем мы даже не отдаем себе отчета.

Именно поэтому, когда вы садитесь писать, некоторые конструкции – зачастую прекраснейшие и грамотнейшие – будто всплывают сами. Всплывают и отдельные слова, «подходящие к случаю», но я больше всего ценю чтение раннего детства именно за его влияние на синтаксическую и ритмическую составляющие. Классика накопила огромное количество вариаций на тему «как правильно»: как заставить ту или иную фразу звучать красиво и мелодично, картинку – вставить перед глазами, сердце – сжиматься. Заметьте, сейчас мы вообще не затрагиваем сюжетов, мы осторожно щупаем слова, словосочетания, абзацы. Юмор о необъятном размере предложений Толстого вечен, но его слог – изумительный синтаксический рисунок с грамотными паузами. Шутки о том, как любит Достоевский описывать страдающих уродов, уже стали мемами, но эти уныние и мерзость прописаны изумительно. вспомните хотя бы речь знаменитого следователя Порфирия Петровича с ее бесконечными словоерсами и ласкательными:

Ведь вот-с... право, не знаю, как бы удачнее выразиться... идея-то уж слишком игривенькая... психологическая-с... Ведь вот-с, когда вы вашу статейку-то сочиняли, – ведь уж быть того не может, хе-хе! чтобы вы сами себя не считали, ну хоть на капельку, – тоже человеком «необыкновенным» и говорящим новое слово, – в вашем то есть смысле-с... Ведь так-с?

Чувствуете, как вас нежно опутывает щупальцами огромный спрут? А ведь Лавкрафт еще даже в пеленках не ползал.

Всему этому мы неосознанно и учимся, читая в подростковом возрасте, причем не только классику. Языковые конструкции из прозы современников, из тех же фанфиков и, конечно, из фильмов, сериалов, мультипликации, игр также не слишком-то придиричиво отбираются нашим хомяком и раскладываются по коробочкам. Коробочки тихо ждут своего часа. Думаю, снова никого не удивлю, сказав, что чем раньше мы их распакуем, переберем и аккуратно выложим ненужное, тем лучше. Как это сделать? Наклонитесь ближе. Еще ближе. Еще.

Пс-с-с. Просто начните уже писать книгу.

Когда мы пишем, наш мозг первым делом начинает панически копаться в этих самых коробочках. Да, они стоят вразброд; да, они забиты графинчиками и лопатами, но так или иначе мозг идентифицирует их по ярлычку: «Так, вот это, скорее всего, из книжки, ну или подойдет для книжки, ну или я не знаю, но классно же!» При этом копание в коробках вряд ли доведет до литературного воровства: фрагменты конструкций, лексика, ритмические паттерны, заготовки для нарратива настолько перемешаны и их так много, что всплывают они хаотично и в измененном виде. Грубо говоря, если нас потянет писать «в стиле Достоевского», мозг не станет услужливо подавать нам исключительно Федора Михайловича: его синтаксис, его образные лексемы или, не дай бог, цитаты. Такое мелькнет, но в основном, заполняя пробелы, хомяк подкинет нам то, что похоже, или выглядит похожим, ну, или кажется ему классным. Вдобавок все будет уже надкушено, то есть творчески обработано вашим мозгом.

Но продолжая отстаивать природное право «не читать, по крайней мере в школе, по крайней мере Достоевского!», вернемся к простой истине: этих подсознательно пакуемых коробок недостаточно. Вдумчивый, с детства развивающий память читатель, повзрослев, необязательно становится гуру стиля. Точнее, все не так просто. Авторы пособий по саморазвитию правы на

все сто процентов: в нашем сумбурном, перегруженном информацией мире мало чего можно добиться без осознанности.

- Когда мы, уже работая над собственной книгой, распаковываем те самые коробки и осмысливаем, что там наш мозг насобирал и что нам пригодится для той или иной задумки, – это кирпичик для осознанного писательства.

- Когда мы, с грустью поняв, что коробочек маловато или они не соответствуют нашему чувству прекрасного, идем читать книги уже с карандашом и липкими бумажками – это тоже кирпичик для осознанного писательства.

- Когда мы, похороненные под горами сложных конструкций, понимаем, что в классике они тоже есть, но почему-то не напоминают бурелом, – это все тот же кирпичик, мотивирующий нас почитать пособия по стилистике и теории текста (где рассказывается, сколько прилагательных можно нанизать на существительное, чтобы оно не кричало; сколько придаточных переваривает мозг и вот это все).

- Когда мы, ведомые желанием во всем разобраться, поступаем на заочку на филологический или идем на курсы к любимому писателю – это снова он.

- И когда в дополнение к сильным, красивым и стройным текстам разных жанров мы читаем то, что до этой планки недотягивает, или просто маркетинговые посты, работающие по другим законам, или анализируем речь знакомых, или разбираем то, что слышим из СМИ, – это снова он. Языковой мир разнообразен, и его элементы постоянно интегрируются. Нужно знать не только, что такое хорошо, но и что такое плохо.

Недостаточно располагать огромным словарным запасом: он может просто перемешаться в голове, и в итоге вы породите такой стилевой винегрет, что сами не сумеете его переварить. Недостаточно много-много читать – нужно потом еще и отделять свое от чужого, полезное от просто красивого и тем более от ненужного.

Короче, недостаточно полагаться на внутрочерепного хомяка. А вот если помогать ему делать запасы и наводить в них порядок, все будет круто. Ну а если вы пока никак не можете с ним подружиться, попробуйте совет из популярной психологии: визуализируйте! Мой вот рыженький. А ваш?

Хороший, плохой, грамотный

Трудновато говорить о чем-то, у чего нет четкого определения или, наоборот, определенных тысяча, но все как одно субъективны. Это доказывают понятия «душа», «справедливость», «одиночество» и, например, «токсичность». И «стиль» – в некоторой степени тоже. А точнее, стиль «хороший» или «плохой».

Вряд ли кто-то будет спорить, что любит похвалу. Пусть не от всех подряд, пусть в нашей картине мира есть лишь два-три человека, чье «ты классный!» для нас значимо, но все-таки. Многие и вовсе крепко держатся за установку «Другие меня хвалят – значит, я существую не зря». О том, хорошо ли с ней жить, каждый судит сам, а если запутался – помогут все те же книги по личностному росту и построению осознанных отношений с реальностью. Я скажу только, что установка естественна. Нам всем важно, чтобы нас ценили, пусть даже строго определенные люди в строго определенной сфере.

Похвалить стиль, да и вообще проанализировать его – сложнее, чем кажется. Нужно как раз то, о чем мы говорили выше, – осознанный подход. А еще хорошая начитанность, крепкая теоретическая база, наработанная благодаря анализу прочитанного или образованию, и вдобавок максимальная объективность. Последнее важно: язык Толстого можно не любить (я не люблю!), но обругать стиль автора, для которого Толстой – кумир и который с той же ловкостью, но по-своему жонглирует конструкциями, – идея спорная. И вот это самое. Да, токсичная.

Давайте посмотрим на пару примеров того, как могут выворачиваться наизнанку подтексты разных комментариев об авторском языке и стиле. А потом попробуем понять, как же найти здесь суть, если оценивают вас.

Итак, «У автора легкий стиль» может значить, что все предложения в тексте состоят из трех-четырёх слов, притом не слишком сложных и разнообразных. Но может подразумевать и то, что вопреки километровой длине конструкций они сочетаются настолько виртуозно и между ними настолько грамотные ритмические паузы, что по тексту читатель скользит без труда.

Наоборот, за характеристиками «плотный», «сложный» и «тяжелый» может скрываться простое признание: человеку не нравятся длинные предложения, обилие описательных элементов и оборотов, однородных и придаточных конструкций, как бы грамотно и любовно вы их ни выстраивали. Но может иметься в виду и то, что вы перестарались, и читатель, с легкостью глотающий Толстого, Борхеса и Гомера, спотыкается и плачет оттого, как вы пересолили текст причастиями и прилагательными, половину которых можно выкинуть без потерь для эстетики.

Даже понятие «грамотный стиль» далеко не так очевидно, как может показаться: кому-то для «грамотности» достаточно отсутствия опечаток и того, что кофе – это он, а канцелярских оборотов и словосочетаний вроде «нажать на курок» или «нелицеприятно» в значении «неприятно» человек не заметит. Читатели, как и авторы, – разные, и каждый проживет вашу историю – как сюжетную, так и языковую ее составляющую – в соответствии со своими знаниями и опытом.

Вывод прост: все субъективно. Но чтобы глава не превратилась в сплошную абстракцию, давайте попробуем хоть что-то конкретизировать. Ниже я выведу слагаемые хорошего, в моем понимании, стиля. Те, благодаря которым я буду читать книгу с восторженным курлыканьем. Те, которые позволят мне вернуть автору рукопись почти без исправлений. Те, которые учитываю я сама, а потому не стану стыдиться собственного текста, даже если кто-то где-то разнесет его в пух и прах (о чем я, кстати, не узнаю, потому что почти не читаю отзывы, но это другая история). Итак, хороший стиль предполагает, что вы пишете...

- **...Грамотно.** Прежде всего. Выше я дискредитировала это понятие, но, когда речь, например, о редакторской оценке, объективность повышается, уже хотя бы потому, что в бед-

ного редактора вшито больше языковых правил и вариаций их нарушения, чем в простых смертных. Так что грамотность включает и согласование родов, и верную семантику слов, и внимательность к деепричастным оборотам (то самое «Проезжая станцию, у меня потерялся кот» вместо «Проезжая станцию, я потерял кота, вот дурак»), и отсутствие многоуровневого управления/подчинения придаточных, и... в общем, много всего, и самое важное мы затронем дальше.

• **...Богато.** Большой словарный запас не только отвечает за красоту текста, это еще и палочка-выручалочка в борьбе с повторами. У одного только «сказал», с которым редакторы вечно воюют в диалогах, – огромная, разномастная семья синонимов, причем у каждого «родственника» свой смысловой оттенок. Слова можно тянуть, цедить, мурлыкать, произносить, понизив голос, шипеть, чеканить, ворчать, выдыхать и бросать. Ну правда же.

• **...Ритмично.** Не встречала такого понятия, но я бы ввела «синтаксический запас» как пару к «словарному». Умение автора строить разные предложения, отмерять их длину, выбирать адекватное количество подлежащих и сказуемых, играть с парцелляциями⁶, а главное, не заикливаться только на понравившихся конструкциях – бесценно.

• **...Удобочитаемо.** Этого мы добиваемся, совместив вышеуказанные пункты. Что я имею в виду? Двигаясь по строчкам, мы не споткнемся, не запыхаемся и, наоборот, не уснем. Паузы грамотно расставлены, существительные не стоят по четыре штуки подряд в разных падежах, навязая на зубах. Слова с одинаковыми началами или окончаниями не трутся боками. Баланс частей речи соблюден. Нет повторов, а если есть, то лишь как прием. Классика неудобочитаемости – 90 % юридических документов и должностных инструкций, которые и создаются, чтобы свести нас с ума.

• **...Игриво.** Играть предстоит с нашим восприятием. Согласитесь, про «радостный рев прибоя, разбивающийся об острые скалы» мы не просто читаем – мы его слышим. А «тонкий теплый коричневый флер» преследует нас от булочной не только на страницах книги, мы ощущаем его и в носу. За мелодичность стиля помимо вышеописанной длины предложений отвечает и звукопись: аллитерации (повторение одинаковых или однородных согласных) и ассонансы (то же колдовство с гласными). И хотя многие почему-то считают, что место им только в поэзии, это не так. С их количеством (как и с количеством стоящих рядом слов на одну букву) нужна аккуратность, но ее легко наработать чтением, как чужих книг, так и собственных, – но уже вслух. Когда язык завяжется вдруг в узел или вам не хватит дыхания, вы сразу поймете, что не так.

• **...Смело.** В какой-то момент все мы как авторы эволюционируем до такой степени, что «суповых наборов», уже имеющихся в языке, нам становится мало. Тогда мы начинаем понемногу, украдкой изобретать свои слова. Важно: речь сейчас не об уникальных языках, которые мы иногда конструируем, создавая фэнтези, а о словах из готовых, существующих в нашей родной речи морфем. Зовутся они окказионализмами. Одна моя коллега-автор, работая над фэнтези о живых домах, изобрела слово «безлюдь» – им она обозначает разумные дома без жильцов. Звучит очаровательно.

• **...Оригинально.** Разобравшись во всех тонкостях, мы начинаем чувствовать себя ком-фортнее и экспериментировать больше. Добавляем аллитерацию туда, куда ее не добавил бы никто, и плетем длинное кружево предложений там, где другой прошелся бы по парцелляциям. Кричим, шепчем, играем, дразним, пугаем. Знание – сила, но только пока оно помогает нам найти свой голос, а не глушит его душными «так никто не делал – и ты не делай», «так неправильно, делай как Пастернак».

⁶ Парцелляция – конструкция экспрессивного синтаксиса. Это намеренное и порой зверское расчленение связного текста на несколько пунктуационно и интонационно самостоятельных отрезков. Согласитесь: «Я отнесу кольцо в Мордор» и «Я. Отнесу. Кольцо. В Мордор!» – две большие разницы.

Вот и всё. Изучая и комбинируя эти простые критерии, можно создавать потрясающие со стилистической точки зрения тексты и найти свой голос. Вы восх...

А, нет. Есть еще одна вещь. И она настолько важна, что я вынесу ее в отдельную маленькую главу.

Гармония формы и содержания

В вопросах стилистики есть грани, от которых просто кипит голова. Те самые скользкие моменты, когда хорошее вдруг становится плохим, правильное – фальшивым, а сложное попадает в царство очень простых вещей, где ему совершенно не место. Изученные правила перестают работать, точнее, значительно меняются. Ад какой-то.

Что такое авторский стиль, знают все, им восхищаются, его ругают, советуют вырабатывать или ни в коем случае не терять. Язык, которым пишет автор, должен быть грамотным, богатым, удобным для восприятия, смелым – всё из [предыдущей главы](#)... Но стоит найти свой стиль – и начинаются нюансы. Ведь рано или поздно окажется, что подходит он далеко не любой вашей книге. А возможно, каждая история потребует от вас новых поисков.

Обычно со стилем мы работаем на следующих уровнях:

- Лексика и фразеология в целом (слова и выражения, которые используете вы и ваши персонажи).
- Тропы (средства выразительности вроде метафор, сравнений, эпитетов, оксюморонов, рефренов и прочего).
- Синтаксис (то, как вы строите предложения, определяете их длину и состав, собираете из них абзацы).
- Вместе это создает общий стилиевой рисунок текста и помогает определить, каким будет соотношение ваших действий, описаний и диалогов.

Если с последним обычно можно разобраться, прислушиваясь к общей логике сюжета (интуитивно мы почти всегда понимаем, где нужно что-то описать, где поговорить, а где прервать диалог), то первые три пункта – настоящие подводные камни. Когда мы окунаемся в новый жанр (например, всю жизнь писали западные детективы, а потом нам внезапно захотелось создать славянское темное фэнтези), то нередко чувствуем себя лексически и синтаксически беспомощными. То есть как слово «дерьмо» не смотрится? То есть как наши любимые парцелляции разрушают сказовость? Где, где должно закончиться это бесконечное предложение про пляшущих в чаще леших, которое мы начали, просто чтобы сделать красиво и атмосферно?

Что влияет на стиль текста? И почему нам так часто приходится забывать все, что мы с грехом пополам выучили, чтобы шагнуть на следующий стилиевой уровень?

• **Жанр.** Самое очевидное. Ретеллинг⁷ сказки о Финисте – Ясном соколе – если, конечно, автор оставляет действие в реалиях Древней Руси – придется писать совсем не с теми лексическими и синтаксическими средствами, которые годятся для космооперы о роботах. Стилизованный под реалии Чикаго или Парижа детектив не может пестрить откровенно русскими словами, поговорками и конструкциями. Простой истории, которую читатель, увидев легкомысленную обложку в стиле глянцевого журнала и аннотацию про курортный роман, доверчиво берет на пляж, едва ли подойдут язык и ритм Жорж Санд.

• **Эпоха.** Чем дальше в глубь времен вы уходите, тем неспешнее живут ваши герои. Тем значимее богатство деталей, тем закономернее пространные монологи и лирические отступления; тем более ожидаемы предложения-слоны и тем нужнее поэтика. В прошлом не было гаджетов и трейлеров, а вот с осознанным присутствием в моменте дела там обстояли получше,

⁷ Ретеллинг (от *англ.* retelling – пересказ) – это когда старая история начинает новую жизнь. А точнее, кто-то рассказывает ее на новый лад, и получается в итоге произведение вполне самостоятельное. События сказки, легенды, классического романа или мифа (реже исторические) разворачиваются в другой, далекой галактике, с новыми деталями и/или даны с точки зрения другого, не главного, персонажа. Например, «Три мушкетера» становятся вестерном, «Золушка» – космооперой, а «Всадник без головы» – мистическим триллером, написанным от лица Исидоры де Коруби или Зеба Стумпа.

чем у нас. Достоевский в своем XIX веке нашел бы другие слова для Плоского мира, Пратчетт иначе поведал бы нам об убийстве старушки-процентщицы, а Пушкин вполне мог бы рассказать о Братстве Кольца онегинской строфой («Итак, тот хоббит звался Фродо...»). И наоборот, не всякая книга о современной России погрузит читателя в сюжет, если будет написана гладким языком, который уместно смотрелся бы в классическом произведении или издании советских лет. Ведь наши реалии, по идее, должны становиться реалиями наших персонажей. Например, весьма вероятно наличие в тексте фрагментов переписок в мессенджере, и аллюзивность, и даже мематичность – все это вам будет трудно обойти стороной: там или тут, в речи того или иного героя что-нибудь да проскользнет⁸.

• **Персонажи.** Писатель, всюду видящий образы и думающий ими, расскажет историю совсем не так, как выгоревший следователь с ворохом замолчанных ментальных проблем. Интеллигентный нудный редактор, вдвое старше их обоих, тоже сделает это по-своему. В моем современном русском романе «Теория бесконечных обезьян» вы встретите всех троих, и у вас будет ощущение трех немного разных стилей.

Вот три кольца всевластия, чтобы править всеми. И хотя все лежит на поверхности, встречается на удивление немало примеров, когда история вроде рассказана хорошо, но... ей это не подходит. Чего-то не хватает. Чего-то многовато. Что-то режет глаз настолько, что хочется взять ручку и вычеркнуть или заменить отдельные слова (даже если вы не редактор и не школьный учитель!). И вот мы читаем текст, а колючее «не так» упорно нас преследует. Обычно такие впечатления посещают нас из-за того, что у нас уже есть некий прочитанный массив похожих произведений и сформированная картинка того, как следовало бы выглядеть тексту перед вами.

Читательские ожидания вообще-то не должны проецироваться на автора, но это тот случай, когда они все же не только читательские. То, что разные книги всегда писались и продолжают писаться по-разному, не личная авторская блажь, а плод бесконечного культурного наследия, которое мы за века существования накопили и продолжаем копить. Появляются все новые способы рассказывать истории, новые жанры, кросс-жанровая литература, в мире которой детектив может быть интеллектуальной прозой, а остросоциальный текст о морально-философских вопросах – максимально динамичным и увлекательным. И все же то, что мы нажили – хомячьи запасы уже всей нашей цивилизации, – никуда не исчезнет. Интуитивно все мы понимаем, что ни «барышня», ни «автоматически», ни «метр» не относятся к лексике славянского фэнтези и что стилистика Толстого, скорее всего, не уживется с юмористической фантастикой.

Когда стиль, сюжет и жанр дружат – читателю хорошо. И автору – как правило, тоже. Хотя смелых экспериментов никто не отменял. В конце концов, грандиозная «Тайная история» Донны Тартт, несмотря на то что уложить эту бесхитростную студенческую сюжетку можно было в повесть без изысков, покорила мир.

⁸ Но тоску по классическому языку вы всегда можете восполнить, написав произведение с разными временными линиями. Если, к примеру, одна ваша сюжетная ветка – реалии блогера из 2021-го, а вторая – дневник белого офицера, этим блогером найденный, у вас может получиться восхитительное стилевое полотно. Ну а если ваш офицер в какой-то момент заговорит как блогер (или наоборот) и вы сумеете логично это объяснить временной петлей, помутнением сознания, чем угодно – вы получите яркий постмодернизм.

Стилевые референсы

«Я обманываю тебя».

«Я вру».

«Говорю же, не верь мне!»

«Ха-ха-ха, купился!»

Есть авторы, которые с такими мыслями пишут, а потом публикуют исторические романы. Объем стилизации может различаться: в одних книгах ей подвергаются только отдельные элементы; в других же она всеобъемлюща и убедительна; ты не веришь, что автор – твой современник, и гуглишь его имя, чтобы удостовериться, что человек еще жив и даже не слишком стар. И вот читатели пишут: «Я думал, это неизвестная классика». Или: «Я думал, это перевод», если в книге героини-иностранцы. Или: «Я думал, вы работаете в органах», если розыскная деятельность в романе показана реалистично и объемно (да, это другой уровень: здесь больше нюансов, связанных с матчастью, но все же стиль тоже играет роль). Разумеется, на те же книги обычно есть и противоположные отзывы: «все шито белыми нитками», «король голый», «автор – какая-то школьница» и далее, далее, далее – в общем, то, что пишут абсолютно обо всех авторах и обо всех книгах.

Стилизация – языковой инструмент, правильнее даже сказать, набор инструментов ([снова тех, которые мы обсудили главу назад](#)), задействованных для того или иного эффекта. Например, для эффекта погружения в XVIII век. Или в реалии калифорнийских школьников. Или в полицейские будни в Туле. Зачем это нужно? Да просто так интереснее и автору, и читателю. Это отчасти напоминает мистификацию, что мне тоже очень нравится.

Возвращаясь к прошлой главке, каждому тексту нужен свой стиль... или все-таки стилизация? Говорите как удобно, важнее подход и, разумеется, тот легкий скрип в мозгах, с которым мы осознаем: новая история требует нового – субъективно, лично для нас – языка. Люблю прозаичные аналогии, поэтому напомним: примерно так же непросто впервые готовить новое блюдо, только тут процесс еще длительнее. Хотя, если вспомнить, через какие муки мы проходим с соусом или безе, можно поспорить.

Мало кто берется за медвежатину, бланманже или вино из одуванчиков, не прочитав пару (а я обычно десяток) рецептов, не поспрашивав знакомых, не посмотрев видео на ютубе. С литературной стилизацией все, с одной стороны, сложнее (рецепт стиля для самурайского фэнтези найдется с меньшей вероятностью, чем рецепт соуса к утке), а с другой – проще: вместо абстрактного «возьмите щепотку того и этого» мы можем сразу надкусить... увидеть результат. В большинстве случаев, если, конечно, мы не изобретаем какой-нибудь жанр с нуля или не ищем уникальный нарратив для современной прозы, в нашем распоряжении те самые хомячьи запасы человеческой цивилизации. Мировое культурное наследие.

За какой бы текст вы ни взялись, заранее познакомьтесь с чем-то похожим по стилю не помешает. Ключевое слово здесь – «познакомьтесь». Я не раз слышала о страхе что-то украсть, но, повторюсь, сделать это бессознательно – сложно. Даже когда вы выписываете понравившиеся конструкции, это не значит, что они перекочают в текст без вашей воли. Ваш сюжет будет уникальным, и для него вам вряд ли подойдет то, что подходило соседу. Зато вы потихоньку начнете думать иначе – на языке того, что пишете: вникнете в ритм, отследите много значимых нюансов. Каких любимых вами слов («осознанность», «хобби», «душный») еще не было в интересующую вас эпоху или они имели другой смысл? Как строились диалоги и описания, в каких пропорциях сосуществовали в тексте? Какие современные слова вряд ли могут употреблять представители другой национальности («переборщить», «сверстник») или фэнтези-мира, где живут этносы, отличные от земных и не отсылающие к ним («меломания», «шербет», «демо-

кратия»)? Ну а если вы все-таки усомнитесь в том, не схватили ли чужое, все проверяется антиплагиатом.

Подобные ориентиры я и зову стилевыми референсами, по аналогии с картинками, на которые художники посматривают, рисуя. Здесь ключевое слово – «посматривают», то же будем делать и мы: посматривать на анатомию и композицию, на свет и тень, – а вот образ создавать собственный. Это помогает учиться. Это здорово и абсолютно универсально. Даже если вы все еще просто ищете свой голос, не под конкретную задумку, старайтесь больше читать и сравнивать. Отделять то, что отзывается, от того, что оставляет равнодушным. И понимать, где вы ловите себя на мысли: «Хочу так же!», а чего и как никогда не напишете, даже за миллион долларов.

В общем, постигать все самому и бесконечно изобретать велосипеды – путь, достойный уважения. Но в какой-то момент улыбнуться и заскочить ненадолго на чужой багажник не преступление. Конечно, пока вы не скинете хозяина с седла и не усядетесь за руль. Но это уже больше похоже на сюжет для английского детектива вроде «Случай в интернате» Конан Дойла.

Стиль и стилизация: где мы заканчиваем врать

Ложь до добра не доведет – так мы завершим разговор о стилизации. Литературы это касается не меньше, чем, например, отношений. Заигравшись, мы рискуем породить пару чудовищ и сами же потом расстроимся, если никто их не полюбит.

Самые простые примеры здесь – все та же историческая проза и славянское фэнтези. И то и другое предполагает повествование, мышление и речь персонажей, отличные от того, как повествуют, мыслят и говорят наши современники. Это, как мы уже писали выше, миры без гаджетов. Без психотерапевтов. Без тайм-менеджмента. Без публичных блогов, где можно что-то из себя изобразить. Без клипового мышления. Неспешные и рефлексивные, атмосферные и тягучие, эти истории как бы вырывают нас из XXI века, усаживают у огня и шепчут, шепчут, шепчут, ну или поют, пока мы тянем из чарки мед.

Но между тем мы остаемся собой. А авторы – нашими современниками.

Сложно не влюбиться в роман о вампирологе XVIII века, написанный ажурным, сложным языком, пестрящий латынью, размышлениями, лирическими отступлениями, – если вы любите классику. Но если он будет напрочь оторван от реальности, если лексика будет полна уже мертвых слов, если синтаксические конструкции будут вязнуть на зубах – магия рухнет, и останется только: «То ли автор перемудрил, то ли я какой-то тупой». А тупым не любит быть никто. Что, кстати, стоит помнить, если вы вообще хотите подружиться с читателем. Когда автор излишне умничает со стилем, матчастью или чем угодно другим, это бросается в глаза просто потому, что те или иные элементы начинают казаться... искусственными. Они не добавляют истории ничего, кроме «о, смотрите, как я могу!».

Сложно не погрузиться в славянский фэнтези-эпос о Смутных временах в царстве Солнца, о доблести и отваге, написанный в виде хроники, да еще с якобы летописными вставками... Но если они будут бесконечными, полными «гой еси» и «гей, славяне», мы, вероятно, начнем спотыкаться и задумываемся, а нельзя ли было чу-у-уть попроще, вот совсем чуть-чуть? Просто потому, что мы говорим «здоровья», а не «гой еси», «щеки», а не «ланиты» и довольно часто хихикаем, услышав слова «чресла» и «члены». Это не значит, что от знаковых, ярких стилистических элементов нужно вообще отказываться. Нужно лишь обдумывать каждый из них.

То же касается любой стилизации. Соблюсти баланс между художественностью, комфортным восприятием, аутентичностью и достоверностью не так-то просто. Как пример: представьте, что ваш персонаж ведет дневник. В реальной жизни большинство людей делают это сухо и скупое, скорее документируют события, чем поэтизируют и насыщают красками. «Поел. Поспал. Небо сегодня красивое. Хочу на ручки». Но если реалистичности ради перенести такой стиль на страницы книги, читатель может заскучать. Почему не вообразить, что наш хозяин дневника немного рисуется перед другими и целым миром – как доктор ван Свитен из моего романа «Отравленные земли»? Или что в душе он писатель и посидеть над тетрадкой – его единственная отдушина? Хотя, конечно же, все зависит от его личности. И от обстоятельств, в которых дневник ведется.

Другой вариант: если персонаж из социальных низов, он будет говорить не самым литературным языком. Полностью передать его речь и картину мира с точки зрения стилистики непросто, а если абсолютно все герои книги такие, придется идти на уступки. Например, ввести хоть парочку благородных разбойников.

Во всех подобных случаях мы должны искать баланс художественности и реалистичности, погружения и понимания: мы не древние славяне, не маргинальные элементы и не дворяне XVIII века. Мы здесь. Мы сейчас. Но именно найдя этот баланс, мы можем легко уйти – и увести читателя – в другой мир.

Практическое причесывание. Типичные ошибки и где они обитают

От общих рассуждений переходим к практическим рекомендациям. Просто возьмем расческу с частыми зубьями – и вперед. Наш стиль не станет сразу безупречным, но чистота и симпатичность там определенно появятся.

Сделать текст качественнее иногда позволяют минимальные, почти косметические правки. Когда такие усилия приложены, глаз радуется, а если их нет, становится грустно. Авторам, отправляющим тексты на издательскую почту, а тем более – в самостоятельное книжное плавание, лучше это знать (жаль, я не знала, когда начинала путь!). С колтунами и блохами вы вряд ли выйдете на улицу и тем более не отправитесь в театр. Так же и в текстах есть очевидные ошибки, которых в классической и качественной современной литературе (почти) не бывает. Их наличие необязательно помешает людям влюбиться в ваш сюжет, но... это вопрос хорошего тона. Почему не уделить ему внимание?

Редакторы художественной литературы в основном смеются и плачут над одними и теми же ошибками, кочующими из текста в текст. Вот почему правка иногда превращается в день сурка, хотя мне веселее вспоминать будни сержанта Энджела из фильма «Типа крутые легавые», в котором он ловил неуловимого гуся (вообще-то лебедя, но у нас будет гусь: его щипки заметнее). Гуси неистребимы. Они встречаются в историях даже с самыми блестящими идеями, атмосферой и персонажами – и обычно уходят с опытом. Давайте же ловить гусей! Маленький спойлер: кое-что из того, с чем мы будем разбираться ниже, уже выходит за рамки чистой стилистики, ведь мы заканчиваем этот раздел.

Итак. Вот что начинающему (и продолжающему) автору лучше проработать и переосмыслить до того, как показывать кому-либо текст. И вот по каким исправлениям автор всегда сможет понять, что с ним работал компетентный редактор: бдительный, начитанный, чуткий к стилю.

Канцелярит

Я стараюсь подсвечивать менее очевидные вещи, чем те, которые до меня миллион раз подсветили талантливые коллеги. Но канцелярит – казенные словечки, конструкции и обороты – в том или ином виде пробирается даже в самые чистые тексты. А ведь авторам приходится еще заниматься и продвижением, то есть писать продающиеся материалы... Еще один разговор лишним не будет. Я приведу ряд базовых рекомендаций, а чтобы точно не лить воду, сделаю это сразу на примерах.

- «Им был сделан» и «им сделан» почти всегда хуже, чем «он сделал» (исключение – официальный протокол). Первые две конструкции пассивны, третья – активна и – сразу чувствуется! – звучит живее. К тому же везде, где можно, слова «был» лучше избегать, потому что его избыток режет глаз. «Им был сделан выбор, он был неизбежен, а что было делать?» Во всех смыслах страшная история, да? К ней мы еще вернемся.

- «Являться» не замена слову «быть», а лишь неизбежное, но, как правило, победимое зло (о способах борьбы с ним прочитаете ниже). Этот глагол можно убить почти всегда, особенно в художественном тексте, и станет только лучше. «Это является проблемой» – «Это проблема». «Данный» (опять же, везде, кроме протокола или заключения) хуже, чем «этот». Слово «процесс» – лишнее в подавляющем большинстве случаев, если только мы не говорим о химии и юриспруденции. Зачем нам «процесс написания книги затянулся», когда возможно просто «написание книги затянулось» или вообще «я никак не допишу книжку!»?

- Гордый, одинокий глагол лучше расщепленной глагольной конструкции. Зачем «проводить исследование внутренностей лягушек», когда можно просто «изучать внутренности лягушек»? А еще глагол лучше отглагольного существительного. Словосочетание «приехал для получения» заведомо проиграет более емкому «приехал получить».

- Когда мы почти подряд, как бусины на нитку, нанизываем три-четыре существительных в разных косвенных падежах, больно становится всем. «Займемся проведением эфира в аккаунте соцсети автора романов жанра фэнтези...» Давайте просто «проведем эфир с ярким фэнтези-автором».

- Пожалуй, главное. Не усложняйте. «У него две коровы» – конструкция здорового человека. «Он имеет двух коров» – конструкция курильщика. Или вот пример, уже от литературного редактора этой книги: «В его владении находятся три коровы». Страшно, а?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.